

Евгений ЧИРИКОВ

ПИСАТЕЛЬ ЛЮБВИ И ТРУДА

Литературно-критическое эссе

**К 80-летию со дня рождения
Виктора Чугунова**

В мире много писателей, великих и не очень. В моём представлении Виктор Чугунов – писатель исключительный. Он создал неповторимо самобытную прозу. По нынешним меркам описанная им жизнь может показаться архаической, а воспитанной на коммерческих понятиях молодёжи и вовсе неинтересной. Да и написал он немного, так как прожил всего 36 лет. При всём при том Чугунов обогатил литературу своеобразными человеческими характерами. Многие его новеллы можно смело назвать шедеврами.

По воспоминаниям новокузнецкого прозаика Геннадия Емельянова, сенсационно прозвучал на семинаре молодых писателей (1966) рассказ «Локобель». «Да где же вы раньше-то были?» – вымолвил руководитель семинара Сергей Антонов, виртуоз короткого рассказа и теоретик этого жанра. А где был Чугунов? В Междуреченске, работал горным инженером (взрывником) и поначалу печатался в городской газете «Знамя шахтёра». С «Локобелия» началась его внемеждуреченская известность.

Сюжет рассказа действительно беспрецедентен. Локобель – паросиловая машина, применявшаяся когда-то в технике. Он позарез необходим там, куда его транспортируют с помощью тягача четыре человека, преодолевая тяжёлое бездорожье. Каждую ночь за время пути жена старшего группы Трофимова проводит с молодым Семёном. Муж делает вид, что не замечает измены, которая почти и не скрывается. Всё дело в том, что он сдерживает личные эмоции ради достижения цели – ведь локобель ждут люди. Поведение Трофимова – нечто другое, чем подвиг самопожертвования героя в стане врагов. А по нраву он совсем не добряк и не пропитан идейностью.

Стилистически В. Чугунов примыкал к той традиции, которая в русской литературе началась с Чехова – Бунина – Куприна. Позже её представляли Василий Шукшин (обожаемый Чугуновым), Владимир Солоухин, Владимир Маканин и другие. Вместо длинных описаний – ёмкое слово с подтекстом, скрытым внутренним смыслом. Смысловая нагрузка падает на деталь. Маленький рассказ может стоить целого романа.

В кузбасской литературе советского периода мастерством короткого рассказа хорошо овладел также Владимир Куропатов, но он не выходил из рамок ортодоксальности.

Жанр чугуновской прозы тяготеет к новелле. Когда читаешь эти новеллы с пружинно сжатым словом, вдруг замеча-

ешь что-то шолоховское, что кажется несколько странным для чеховско-бунинской манеры. И, оказывается, – да. Междуреченский самородок увлекался автором «Тихого Дона» до такой степени, что однажды, как вспоминала жена, Надежда Чугунова, сказал: «Стану Шолоховым!».

В определённой дозировке он и стал Шолоховым, впитав, переварив его и сделав собственным веществом. Вся проза советского классика напитана так называемым народным красноречием – афористичностью речи с колоритом казацкого диалекта. Вот и некоторые (не все) чугуновские новеллы насыщены говором, но нашим, сибирским. Все его вещи построены – в ключе драматизма – на острых, прямых диалогах.

«Таёжина»:

«– Соседов постоялец, выходит? – спросил меня Суко-тин, протягивая стакан самогону.

Я кивнул.

– Чего ж к нам-тыть забрёл?

За меня ответила Ага:

– Мы с ним на рыбалку ходим.

– Знаю я твою рыбалку: ещё от старой не излечилась. –

Он повернулся ко мне и отрубил: – Пей, раз рыбак.

Обжигаясь, я выпил.

– Где жа рыбалите? – Сукотин толкнул пустой стакан.

– На реке.

– Знамо, что не в лыве... И много рыбы нарыбалили?

– Мы же так... отдыхали...

– Отдыхали, выходит?

Снова вмешалась Ага:

– Ты, папка, злых вопросов не задавай. С гостем разговариваешь, а не с Гришкой Преваловым.

Сукотин подумал.

– Ладны, тебе ответ держать – хошь так растелись, хоть этак.

– А я не хочу «хоть так». Я хочу, чтоб радостно было».

Драматические конфликты у В. Чугунова часто завязываются на смертельной опасности. Описания его поэтичны и в то же время ничуть не скрывают жизненных некрасивостей.

«Прости меня зетра»:

«На станции душливо пахло гравием и жирными сочившимися шпалами. По-богатырски протяжно вздыхали паровозы. Один из них попыхивал густым паром на крайнем пути. Антон подошёл. Чумазый кочегар на тендере кидал уголь. Увидев Сорокина, вскинул на затылок кепку с длинным козырьком.

– Кого?».

«Синий ветер Алатау»:

«Дорофеев снял с головы берет и засмеялся, показывая синеватые зубы. Он был приземист, темнолиц, нос – гнутой хребтиной, парень что надо». <...>

«Он наблюдал за гадюкой, греющейся на гранитной плите. По-лебединому подняв над кольцами тела плоскую голову с немигающими глазами, змея надменно и жестоко следила за людьми. И это очень нравилось Дорофееву».

Поэтичность языка наряду с чеканной прорисовкой психологии и составляет главную писательскую силу В. Чугунова.

«Таёжина»:

«Я скользнул глазами по её обнажённому телу, и у меня запершило в горле, а ноги стали тугими, как железные прутья. Переборов чувство горького стыда, я затравленно уставился на тёмный скат груди, едва сдерживая себя, чтобы не коснуться рукой».

В содержательном аспекте две, только две главные темы вытекают из писательского духа Виктора Чугунова. Это любовь и труд. Любовь он трактовал в ясном соответствии с иррациональностью бунинских «Тёмных аллей», которые не раз перечитывал. Святая любовь смежна со слепым инстинктом. Должно быть, выстрадавшие в личной судьбе чувства приводили нашего земляка к совершенно оригинальным образам, отличаясь величайшей достоверностью.

В советское время любой редактор настораживался, когда речь заходила об адюльтерах. Хотя у Чугунова практически нет постельных сцен, драма любви, психологически остро показанная через супружескую измену, некоторых читателей шокировала. Не обошлось без писем в газеты о «развращающем влиянии на молодёжь». Некоторые ситуации, как в «Локобиле», смущали и критиков. Пожалуй, кое-кто из них пригвоздил бы автора новеллы за клевету на советского человека, не будь С. Антонова его авторитетом.

Тамара Булдакова в газете «Знамя шахтёра» описала случай: «Как-то, помню, мы были в редакции, когда услышали по областному радио повесть Чугунова «Таёжина». <...> И вдруг чтение оборвалось, включили музыку. Несколько лет спустя редактор литературной редакции областного рассказал нам следующее. Оказывается, трансляцию услышала секретарь обкома по идеологии, и по её команде прекратили чтение, как она выразилась, «Таёжины»-корёжины (остроумные были идеологи!)».

Труд, производство, дело В. Чугунов описывал с несравненным воодушевлением. В человеческой работе он видел сакральную ценность, моральный абсолют, экстремальную интригу, долг, непререкаемо подлежащий исполнению. Трудом определяется степень сознательности. Осуществляясь для людей, он равнозначен идеалу коллективизма и высшей человечности.

«Таёжина»:

«Надо немедленно открыть путь руде на металлургические заводы юга Западной Сибири».

«Прости меня завтра»:

«Повторяю, товарищи, не для прохладения мы тут собрались и не агитировать. Работать приехали. Стране нашей после войны трудно».

«Каллистратово бучило»:

«— Беда-то, Афанасий Лукьяныч. Люди всю зиму на морозике лес рубили, а теперь сплавить не можем. Понимаешь? Всю зиму впустую. Нельзя так. Нельзя мне уйти с бучила, хоть режь...».

«Локобил»:

«— А нам, знаешь, мри, но вперёд...»

Рассказ «**За чёрными розами**» – о шахтёрском труде, обыденная опасность которого непринуждённо подчёркивается маленькими случаями-детальками: «Возле него за-

трещала стойка, и он потрогал её рукой. <...> Кусок породы стукнул Михаила по каске. Парень посмотрел вверх и продолжал <...> говорить». Завершается рассказ опасностью пострашнее (главного героя чуть не завалило породой). Но и она обыденна для закалённых добытчиков «чёрных роз»:

«— Ладно, кончай базар, – сказал Михаил грубо, как провинившийся мальчишка. Он пошевелил ногой и встал. – Сейчас начнём вспоминать, и работать некогда будет. Взрывай, Пашков...»

Шахтёр Галактион в одноимённом рассказе совершает сверхволевой поступок, спасая жизнь товарища: «На другой день он работал остервенело, жадно, точно в последний день. Его огрузлая фигура тяжела больше, шаги становились упористее. Легко, одной рукой Галактион ворочал лесины и швырял их в лавную темноту, а там, сгорбившись, ставил их в ряд, распирая в щели пласта крупными машистыми ударами кувалды.

В один из таких дней Галактион спас человека. Рухнувшей гранитной плитой тому придавило ногу. Вокруг ломалось крепление, и люди отступили, с ужасом ждали конца трагедии.

Галактион взял топор. Размазав по грязному лицу пот, он прошёл к товарищу тугими шагами и – раз! раз! другой! Хрястнул остриём по колену, торчащему из-под плиты».

Положительные герои новелл одержимы трудом, желанием исполнить порученное дело во что бы то ни стало, пусть даже жертвуя своим «я», а то и переступая через малодушие или благодушие других. Что-то аномальное, фанатичное проступает подчас в них. Закрепов в «Каллистратовом бучило» смотрит на огонь не мигая, «и в его глазах, зеленеватых, ледяных, застыло мрачное неживое упрямство». Неживое упрямство! Но действующие ва-банк персонажи всегда в победителях, которых не судят.

Писатель родился 30 июня 1937 года и погиб 26 декабря 1973-го – грузовик на трассе врезался сзади в легковую машину. Вместе с уходом Виктора Александровича Чугунова из жизни в ней прекратили существование и его главные герои. Или наоборот – сначала ушли прототипы. Как раз, кажется, в это брежневское время в нашу реальность толпой повалили совсем другие парни, менее склонные к трудовым свершениям.

Рассказы и повести, заключённые в формат двух небольших сборников, изданных Кемеровским книжным издательством в 1978 и 1984 годах, представляют собой исторически ценные картины эпохи, которая никогда больше не повторится.

Характерно, что часто любовь и труд тесно переплетаются. В «Таёжине» жена Виктора Агния – его соратница по производственному фронту. «Потом, когда пронеслось над тайгой взрывное эхо, я с болезненной настойчивостью твердил себе, что всё равно бы не ушёл со скалы, даже если бы не было со мной Аги». Борьба за девушку против озверелого семейства Переваловых составляет главную интригу повести, а задание по взрыву скалы её обрамляет и цементирует.

Радостное, приподнятое настроение влюблённого Егорова перетекает в красоту его работы.

«Мужчина»:

«На работе Егоров немел. Окружающее приобрело для него особенное значение. Покоробленные рукавицы в сухом буром растворе пахли смородиной, кирпичи – угаром деревянной печи, а свежая кладка – политым огоро-дом, где у заплотов горкла конопля».

Мария проникнута трудовой жертвенностью мужа и уходит вслед за ним в ледяную стынь.

«Иван и Мария»:

«– Люди там, – ночью устало сказал Иван и показал в окно на тайгу. – Им работать и жрать надо для нашего дела, а мы тут валандаемся. Завтра ухожу, Манька, давай спать...».

Емельянов мучается любовью только под одним углом зрения: захочет ли любимая поменять столицу на таёжную глушь, где он работает.

«Тёмный бор, тайга густая»:

«Он любил таежное дело, и ничто не могло поколебать его желания довести начатое дело до конца. Емельянов вспоминал тайгу, и ему казалось, что ничего милее и дороже нет на белом свете. Он вспоминал товарищей по работе, он вспоминал обычную жуть своих дней, он вспоминал плантации, и ему хотелось туда, к ним».

В рассказе «Полметра до катастрофы» молодой специалист Сергеев не проявил должной квалификации и переведён из техников в такелажники, после чего спился и деградировал. Его красавица жена ушла к другому, безупречному технику Лебедеву, начальнику и врагу Сергеева.

Сергеев озлобляется, доходит до чувства краха и в злобном аффекте пытается убить Лебедева (сбросив на него сверху тяжёлую железку):

«Лебедев чудом остался жив. Головку заклинило в пятидесяти сантиметрах от него. Всего в пятидесяти!»

А он вылез наверх и обычным своим жёстким голосом сказал мне:

– Надо лезть вытаскивать...»

Последние фразы рассказа: «Сломленный, разбитый, я понял, что не могу никуда уйти. Для меня не существовало мира, кроме того, который разбивал меня, чтобы сделать заново». В наше время читатель и не обратит внимания на это «сделать заново». А в годы соцреализма концовка рассказа имела принципиальное значение. Всего два слова давали оптимистический прогноз личности Володи Сергеева, рисовали сломавший его мир как суровый, но справедливый и проливали бальзам на души критиков. Если бы Володя завершил жизнь, допустим, бомжом, никто бы автора новеллы не понял.

Чугунов очень не любил фальшь, расхожие стереотипы и всякого рода социальное враньё. Будучи горячо убеждённым коммунистом, он гордился революционным прошлым страны и, судя по всему, принимал тезис о совершенстве человека в грядущем коммунистическом обществе, но не мог не видеть разницы между идеалом и действительностью. «До совершенного человека дорога длинная», – говорит Родионов в «Рубиновом материки». Проводник Кабин из «Локобилия», сидя в санях, «смотрел, как выползала из-под полозьев помятая зелень, и

думал, что не все человеческое добро да гладко. Есть что-то грубое у людей, дикое, ползучее».

В повести «Прости меня завтра» отношение главного героя к труду составляет одну из характеристик этого многозначного образа. Трудовая доблесть оттеняет здесь трагизм любви, вину Антона в суициде Вали, подчёркивает отчуждение от него людей, несмотря на завоёванный работой авторитет.

В «Рубиновом материки» любовь и труд сплетаются по-иному. С точки зрения мастерства «Рубиновый материки» – любопытнейшая повесть. Главный герой её, Александр Родионов, предстаёт перед нами в нескольких ракурсах. Сначала глазами персонажа-журналиста как колоритный незнакомец, в котором чувствуется что-то необычное. Затем описывается подростковое бытие Саши от имени его собственного «я». Начинаются его отношения с соседской девочкой Галкой. В их дружбе только зарождается эротизм. Когда журналист, вторично встретив Родионова, побывал у него дома в гостях (всей семьёй вместе с журналистом они лепят пельмени), Александр описан с почти газетной скупостью красок, и в нём можно узнать типового передовика производства, любителя говорить высокими словами.

Во второй части Родионов как бы вновь сам рассказывает о себе, и это повествование звучит уже как неземная музыка. Он гиперболичен и нереально-сказочен. В то же время читатель может верить в его живое существование, с грустью отмечая, что похожие люди всё-таки были, пока не выродились в естественном ходе вещей.

Родионов живёт словно рыцарь, странствующий в поисках подвигов: «С этого дня и повёл счёт своему трудовому стажу и веду до сих пор. Живу, где труднее всего и где больше всего во мне нуждаются».

На тяжёлых работах он закалил своё тело, бывший «заморыш» обрёл могучую стать. Ближе к концу повествования ему с огромным напряжением сил удаётся спасти от гибели того, кто когда-то над «заморышем» посмеивался.

А Галина, которая в юности отвергла родионовскую «святость», хлебнула горя с образованным пижоном и поняла истинную ценность Родионова. Их семейный союз основан на зрелой, претерпевшей житейские испытания любви.

Несколько новелл труда почти не касаются. Они только о чувствах мужчин и женщин. Довольно мрачный и не лишённый сентиментальности сюжет выстроен в «Гетере»:

«Она знала, что Пётр женат и у него двое детей. <...>

– Всех-то уж не пускаю, – сказала она.

– А мне всё равно. – Он убрал с колена её руку».

Жена шофёра Петра интеллигентна, но больна. Она зашла к Любке и «робко попросила:

– Запретите к вам Петру ходить, а?».

Вот так же Валя в «Прости меня завтра» зашла к молодой Люде. Просьбы тщетны.

Жена Петра уходит из жизни. «Петр склонился над её добрым, измученным болезнью лицом, плакал и гладил её высохшие руки. Дочь сидела рядом и тоже плакала: при каждом всхлипе её безжизненные ноги качались». Пётр жалеет умершую жену, ненавидит Любку и всё же прихо-

116

дит к ней. «Ничего ты не понимаешь... Тебе мужика надо и чтобы на всю ночь... А ей надо было человека...». Почему писатель не оставляет надежд на хэппи энд? Потому что правда жизни жестока, и половой инстинкт часто сильнее добрых намерений. Чтобы усилить эффект, писатель наделил жену Петра болезнью, а дочь инвалидностью.

Не знаю, как сейчас, но в своё время **«Междуреченская новелла»** слыла культовой в городе своего рождения, чем-то вроде чувственного знамени женщин. Несомненно, она доставила автору много творческих мук, настолько сложна в нюансировке, изобилуя парадоксами и стыковками противоречивых моментов (из которых, собственно, и состоит наше бытие).

История взята из самой жизни. Перед писателем стояла задача сделать из были рассказ, то есть пробраться сквозь добрую сотню всевозможных житейских подробностей и при этом не стать прокурором, обвиняющим в аморальности одну из сторон.

У кого-то вышел бы целый «женский» роман, а Виктор Чугунов написал буквально крошечную новеллу. Она сверхлаконична по описаниям. Читатель должен проникнуть в её смысл, как в чёрный ящик. В ней всего семь главков-фрагментов. Каждый фрагмент несёт в себе тот или иной символ. Вводная глава знакомит нас с отношениями Людмилы и Котова. Они лиричны и поначалу не совсем понятны. Многое проясняется, когда учительница Людмила Петровна входит в кабинет директора школы Губановой, речь которой полна яда: «Что, вам не терпится?». Она намекает на то, что муж Людмилы в армии. Губанова – символ пошлости.

О Котове мы мало что знаем. Он непривлекателен, с худым, серым лицом. Хотя вместе с героиней Котов – главное действующее лицо, он почти как человек-невидимка. Почему? Потому что он символ: любовь выше внешности. Так же, как выше пошлости.

Людмила пошла в театр, думая о Котове. Но он не пришёл. Домой её провожал молодой учитель-физик. «У подъезда он смело прижался к ней, расстегнул плащ, и она почувствовала, как он ощупывает её».

– Идите вон! – закричала она и, вырвавшись, убежала в подъезд». Любовь унижается минутным сближением.

Высокое чувство преодолевает отношение окружающих (класс, по которому прошелестел шепоток: «Котов!.. Котов!..»).

На вечерней прогулке с Котовым Людмила просит его сделать «что-нибудь сногшибательное». Он верен своему трезвому характеру и отвечает отказом. Тоже показательно: Людмила не капризничает, не играет на мужском самолюбии.

Предпоследняя глава удивительна. Любимая женщина предлагает себя мужчине, Котову, а он убегает от неё, как от скверны. Само по себе это возможно. (Точно такое же негодование испытал Емельянов из «Тёмного бора, тайги густой». Его никак не устраивала ложь адюльтера.) С мужем Людмилы Котов в товарищах, он не может подличать. Если уж любить, то открыто и честно. Тонкость, однако, в том (возможно, понимает читатель), что бегство от женщины могло бы кончиться разрывом отношений. Оно,

однако, не стало комфузом, потому что любовь выше... Таким образом, новелла создана как букет глубоко прочувствованных символов, каждый из которых поднимает читателя на высоту чистой любви.

«Теперь разное говорят в Междуречье. Даже и то, что они счастливы, что каждый день – это продолжение сложной и необыкновенной любви, которая родилась не случайно, зато случайно обнаружилась» – таков последний абзац шедевра Виктора Чугунова.

После финального аккорда остаётся и грустный осадок. Автор ничего не сообщает о теперь уже бывшем муже Людмилы, «черноволосом человеке». Ни слова нет о его реакции на «необыкновенную любовь» жены и друга Котова. Следует предположить, что его реакция в целом стандартна, как у тысяч других, испытавших такую же судьбу. Сопереживая в меру наших душевных устройств всем персонажам, мы можем сочувствовать и ему. Это и есть, наверное, принцип подтекста – доверие к читательскому додумыванию. Всё-таки поразительная новелла!

* * *

Имея собственное и давно сложившееся представление о творчестве В. Чугунова, я испытывал жгучее желание поближе познакомиться с критическими отзывами о нём, узнать мнение квалифицированных литературных специалистов. Кое-что, конечно, попадалось мне и раньше, но в виде кратких предисловий и послесловий.

Газетно-журнальная критика представляет собой важную сторону писательской судьбы, писатель не может воспринимать её равнодушно. Попытаюсь обобщённо выразить впечатления от прочитанных недавно старых критических публикаций.

На родной земле новеллы молодого писателя встречали тёплый приём. В марте 1968 года двухполосный «подвал» посвятила ему газета «Комсомолец Кузбасса». Написал эту живую, сочувственную статью под названием «Бери и помни» (так назывался писавшийся Чугуновым и неоконченный роман) однокашник Чугунова по Литинституту и его тёзка Виктор Казько, который после военной эвакуации провёл детство и молодость в Кузбассе, а уехав позже в Белоруссию, на историческую родину, получил там признание как виднейший мастер военной прозы.

Полна похвал рецензия «Новая книга В. Чугунова» в «Огнях Кузбасса» (1971. № 3), вышедшая из-под пера Л. Мелешковой. Правда, бурно негодуя против героини «Тёмного бора, тайги густой», Л. Мелешкова дошла до курыёза. «Это не трагедия неразделённой любви, это хуже – трагедия любви, осквернённой душевной изостью и предательством. <...> Читатель презирует Нину Васильевну, мелкую, недостойную такого большого чувства».

Выходит, что Нина Васильевна должна была бросить семью, Москву и работу в центральной газете, чтобы любить Емельянова в его таёжных угодьях.

В «Огнях Кузбасса» (1972. № 1) выступил маститый новокузнецкий критик Алексей Абрамович. В целом он соблюдал положительную тональность. Однако идейная бдительность заставила его сурово предостеречь новеллиста от западного влияния и «натурализма». И то и дру-

гое критик усмотрел даже в таком, казалось бы, пролетарском рассказе, как «За чёрными розами» (под «натурализмом» здесь он подразумевал, видимо, Кукушкину, упоминаемую в диалогах как девушку, к которой на досуге похаживали шахтёры).

А. Абрамович сетовал на «метод некоторых зарубежных писателей, сценаристов и кинорежиссёров, ориентирующихся на изображение «потока жизни» со всеми случайными, характерными и нехарактерными, взятыми в большей мере вне типизации характеров и обстоятельств, в которых они выступают»: «Влечение к «потоку жизни» приводит лишь к созданию во многом натуралистических зарисовок...».

Рассказ «Полметра до катастрофы» возбудил интерес многих критиков. При поступлении в Литинститут именно его отдал В. Чугунов на творческий конкурс, получил благоприятный отзыв и был принят в институт на ура.

Абрамович увидел в рассказе тему крушения души с дальнейшим её возрождением. В полёте мысли он возвёлся о том, что это и есть главная тема писателя, которая прослеживается во всех его произведениях. Статья А. Абрамовича так и называется: «Мир сокрушает, мир создаёт». Если же посмотреть трезво, то никаких «крушений души», кроме как в «Полметра до катастрофы», не наблюдается. Возрождения нет и в данном рассказе.

Через пять лет после гибели В. Чугунова рассказ «Полметра до катастрофы» анализировал иркутский критик Борис Лапин («Трудные» рассказы Виктора Чугунова // «Огни Кузбасса». 1978. № 4). И вдруг в его красноречивом, как у адвоката по уголовным делам, рассуждении Володя Сергеев оказался «человечным», «честным, прямым, гордым, чуточку идеалистом», а правильный Лебедев «оборотистым, беспринципным делягой». Не стоило бы об этой статье упоминать, но она показывает, как далеко критика может выходить за пределы здравого смысла.

Наибольшим специалистом по В. Чугунову надо признать Евсея Цейтлина. Он высоко ценил творчество писателя-самородка. После его гибели Е. Цейтлин побывал в Междуреченске, изучил личный архив Виктора Александровича и дал итоговую статью в «Сибирских огнях» (1979. № 6) – «Послесловие к недопетой песне: страницы жизни и творчества». В ней есть некоторые биографические сведения, выдержки из дневника писателя, пересказы сюжетов новелл и их отдельные характеристики.

Е. Цейтлин заметил, что рассказ «Полметра до катастрофы» полемически направлен против «звёздных мальчиков», населявших в 1960-х годах «исповедальную прозу».

Тему крушения и возрождения души Е. Цейтлин трактовал в инерции формулировки А. Абрамовича: «Эта тема станет одной из главных в творчестве Чугунова. Тема крушения и возрождения человеческой души. Тема созидания личности на развалинах иллюзий». Однако эта надуманная Голгофа с воскресением вместе ни одним примером не подтверждается. Если уж требуется обобщить весь душевный оркестр чугуновских персонажей, то это обычные люди, причём чаще всего из самой народной гущи, которые преодолевают сложные обстоятельства благодаря высокому, а то и надчеловеческому идеалам, совершая подчас невероятные с точки зрения обыденности поступки. И за ними, идеалами, ощущается бесконечная громада советского государства. «Скотина я, а не государственный человек!», – сокрушается Емельянов из уже не раз упомянутого здесь рассказа. Емельянова угнетает то, что он говорит о работе, а думает в это время о Нине Васильевне.

При всём пафосе прославления труда в СССР и потоке производственных романов решение темы труда у В. Чугунова настолько своеобразно и настолько жизненно пересекается с темой любви, что это позволяет говорить об уникальном литературном феномене.

В одном месте «Послесловия к недопетой песне» Е. Цейтлин мимоходом замечает: «Работа и любовь, по Чугунову, это две неизбежных, «на все времена», темы искусства. Работа и любовь – это и была главная тема его собственного творчества. И он сознал это. Сквозь призму «работы и любви» Чугунов видел и историю человечества, и его будущие дали». Цитата из дневника писателя подкрепила приведённую мысль: «Любовь и работа, работа и любовь – это прошлое, настоящее и будущее. Каким будет труд через двести лет? Как будет счастлив Тургенев 2272 года, который опишет восторженную, мучительную и сладостную любовь к труду!» (29 января 1972 г.).

При жизни Виктора Александровича толстые журналы не хотели брать его произведения. Ему удалось напечатать лишь повесть «Таёжника» в «Молодой гвардии». Большую роль в посмертной судьбе его творчества сыграла книга Е. Цейтлина «Жить и верить. Документальное повествование о Викторе Чугунове, шахтёре и писателе». После выхода книги в свет московские и даже одно берлинское (ГДР) издательства опубликовали многое из наследия нашего земляка.

Евсей Львович Цейтлин жил в Кемерове, преподавал в КемГУ советскую литературу и давно уже обосновался в США, редактируя чикагский еженедельник «Шалом».

